

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

МЕТОДЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ

Представить себе наглядно национальный состав населения любой страны невозможно без соответствующей этнографической карты. Под этим именем известны карты различного содержания и типа. Иногда этнографической картой называют карту расселения с показом национального состава; иногда на этнографическую карту наносятся не только сведения о национальном составе, но и о типах хозяйства, одежды, поселений, жилища и других явлений материальной культуры. Подобные карты носят также название этнокультурных. Наконец, на этнографическую карту нередко помещают сведения о языках и диалектах (карты этнолингвистические). Подобные этнографические карты являются комплексными картами, включающими сводные данные этнографического характера.

Уместно вспомнить об одной попытке создания комплексной этнографической карты во второй половине прошлого века русским ученым П. Муромцовым.

В 1866 г. Муромцов издал в Дрездене на русском языке брошюру под названием «Опыт составления этнографических карт». В этой брошюре автор, ссылаясь на подготовлявшуюся Русскую этнографическую выставку (в связи со Всеславянским съездом в 1867 г.), указывал на необходимость составления таких этнографических карт, которые служили бы полным выражением характерных особенностей различных местностей, обитаемых различными народами. «Все занимающиеся этнографией, — писал П. Муромцов, — должны притти к убеждению, что карты, не представляющие главных антропологических и этнографических элементов, вообще неудовлетворительны, неполны и в них неизбежны существенные пробелы»¹. Муромцов противопоставлял обычному типу этнографических карт разработанные им образцы комплексной карты и давал теоретическое обоснование содержанию карт такого типа.

Каждая этнографическая карта, по Муромцову, должна содержать два основных отдела: антропологический и этнографический. Материалы первого отдела состоят из данных антропологических (краниометрических) и археологических, а второго отдела — из данных исторических (историко-этнографических) и этнографических, в которые входят показатели типов жилищ, одежды, домашнего быта. Все показатели на-

¹ П. Муромцов, Опыт составления этнографических карт, Дрезден, 1866, стр. 3.

носятся на общую карту, которая должна дать полное представление об этнографии страны. Теоретическая часть брошюры Муромцова состоит из разъяснения значения изучения антропологии и этнографии для понимания современного быта разных народностей. В понимании Муромцова антропология сводится к краниологии, а этнография относится не к общественным, а к естественным наукам. Не следует, конечно, забывать, что в то время (80 лет тому назад) среди русских этнографов было много сторонников отнесения этнографии к естественным наукам (Д. Н. Анучин тоже был близок к этим идеям). Но Муромцов понимал это крайне примитивно. «К физиологическому развитию человека,— писал он,— нужно отнести вообще язык, характер, религию, образ жизни и правления, науки, искусства и художества». Это, конечно, вульгарный биологизм. Можно было бы вообще не упоминать об этой стороне высказываний Муромцова, если бы в своих положениях, развитых упрощенно и оголенно, он не оказывался в идеологической близости к антропогеографической школе, модернизированное учение которой имеет до сих пор многих сторонников в буржуазных странах. У Муромцова есть, однако, правильное понимание связи отдельных явлений культуры между собой: он отмечает, что по типам строений, по материалу и архитектуре можно судить о народе и его развитии; взятый же в целом комплекс специфических особенностей жилища, одежды, обычаев, языка и религии дает возможность определить национальность населения и установить его этническую близость соседним народам или отличия от них.

Первоначально П. Муромцов составлял антропологические карты, на которые он наносил не только антропологические данные, но и данные археологические. Вслед за тем он приступил к составлению карт собственно этнографических. «Чтобы, ближе ознакомиться с древнею этнографией, мы должны графически представить ее на карте, наглядно изобразив на ней костюмы и бытовые особенности курганных племен. Чтобы составить этнографическую карту, представляющую бытовые особенности древних племен и нового народонаселения, я соединил однородные типы (костюмов и предметов домашнего быта), как и прежде, и таким образом составил этнографическую сеть, которую наношу на карту исторической антропологии. Подобную же сеть мы можем составить отдельно для современного народа и нанести ее на географически изучаемую местность, и мы получим тогда карту бытовых особенностей нынешних обитателей. Изучивши в том и другом отношении всю Россию, мы можем начертить уже общую отдельную карту древней и современной русской этнографии, как составляют теперь подобные карты для распределения народонаселения по языкам и религии, с тою только разницею, что мы вводим в наши карты сети, которые были бы очень полезны и для этих карт. Линии, соединяющие однородные общие и частные типы, определяют отношения тех и других в различные периоды времени. Если мы распространим древние и современные сети в последовательном изучении различных местностей в других странах, то мы должны соединить однородными линиями (которые мы назовем этнотипическими) одинаковые или сходные между собою в некоторых частностях типы, и направление этих линий укажет нам на этнотипические отношения между древними племенами и современным населением»².

П. Муромцов так резюмировал свой метод: «Итак этнографические карты не только служат объяснением географического размещения различных племен, но должны быть и полным выражением характеристических бытовых особенностей разнородных местностей, обитаемых различными племенами. Мы достигаем этой цели, вводя в этнографические

² П. Муромцов, Указ. работа, стр. 26—27.

карты антропологический элемент одновременно с этническими свойствами, с помощью краниометрических и этнографических сетей»³.

Нанесением на одну карту различных кривых, составляющих «антропологическую и этнографическую сеть», Муромцов хотел достигнуть графического сочетания признаков, характеризующих физический тип населения с признаками, характеризующими этнографический быт. Это была в методологическом отношении порочная система картографирования, ибо пыталась объединить признаки, не имеющие непосредственной связи друг с другом: в самом деле, разве стоят антропологические особенности людей в какой-либо зависимости или непосредственной связи с этническими отличиями их быта? Но сама по себе система нанесения сети (связывающей одинаковые признаки, т. е. антропологические с антропологическими и этнографические с этнографическими), получившая позже широкое распространение в картах диалектологических (система изоглос) и климатологических, могла бы помочь исследователю в установлении эмпирической связи между одинаковыми явлениями в географически различных районах. Примерно по такому пути шел А. Риттих в своих схемах распространения славян⁴ и многие другие исследователи конца прошлого столетия. Правда, связывание условной линией географических пунктов, в которых были обнаружены схожие явления в быту населения, было по существу не завершением исследования, а лишь началом его, и исследователю предстояло еще доказать, что сходство это не случайно, а имеет одинаковые корни и исторически обусловлено; но эта система картографирования могла сыграть, несомненно, положительную роль и в этнографии⁵, поскольку она могла натолкнуть исследователя на необходимость выяснения, почему, например, типы женской народной одежды жителей горной Шотландии (в районе Перта?) схожи с женской народной одеждой жителей горных областей Норвегии (в районе Сэтесдала) и т. д.

В настоящее время картосоставители отказались от применения «этнотипической» сети, поскольку выработаны более простые и наглядные приемы. В том сложном виде, как разработал эту систему П. Муромцов (представление об этнотипической сети дают приложенные к брошюре Муромцова схематические карты с необычайно сложной и запутанной сетью антропологических и этнографических признаков), и в более простом виде, как применял эту сеть А. Риттих, — сетевая система, или система типических линий, этнографами больше не употребляется; но предложение П. Муромцова заключалось не только в сетевом приеме картографирования, а также в комплексности основного материала, служащего обоснованием этнографической карты. И хотя графические приемы русского ученого оказались неудачными, его идея комплексной карты сыграла свою роль в разработке нового типа карт — этнокультурных, являющихся ныне непременной составной частью любого этнографического атласа.

В настоящей статье методом составления этнокультурных карт, как карт вспомогательных, не предполагается уделять место, поскольку содержание их выходит за пределы основной темы; в дальнейшем речь будет идти только о картах национального состава, как главнейших типах этнографических карт.

³ П. Муромцов, Указ работа, стр. 28.

⁴ А. Риттих, Славянский мир, Варшава, 1885.

⁵ Увлечение этнотипическими линиями приводило на первых порах ко многим ошибкам и подмене исторического исследования формалистическими обобщениями. Тот же Риттих «сумел» при помощи этих линий найти славян на Пиренейском полуострове и в других областях Европы, где компактного славянского населения никогда не существовало. В основе ошибки Риттиха лежало формалистическое понимание языковых сходств, фонетически близкое звучание названий некоторых населенных пунктов в районах, отдаленных друг от друга на многие тысячи километров и заселенных этнически различным населением.

* * *

Основным объектом этнического картографирования является географическое размещение народов и этнических групп. Практическое выполнение этой задачи может быть разрешено разными способами, сводящимися в конечном счете к нанесению условных обозначений, отображающих этническую характеристику населения, на географическую карту. На карте можно отметить национальный состав населения отдельных населенных пунктов или целых районов, областей и стран; можно указать территорию, занимаемую определенным народом — включая в эту территорию не только места поселений, но и хозяйственно освоенные этим народом земли; можно ограничиться нанесением на карту крайних границ расселения народа. Любая из карт подобного рода будет картой этнографической, т. е. отражающей географическое размещение национальностей и этнических групп; но для составления каждой из перечисленных карт необходим различный этнографический материал.

По характеру этнографической нагрузки карта может показывать размещение наций, народностей, племен и родовых групп, патронимий, локальных объединений в пределах селения, района, области, республики, континента, мира. Но карта может — в пределах тех же территорий — показать географическое размещение одного какого-либо народа, условно пренебрегая показом соседних, живущих на смежных или на тех же территориях народов. При составлении сводных, генерализованных этнографических карт по большим территориям, населенным многими национальностями, приходится прибегать к предварительному составлению отдельных карт размещения той или другой, отдельно взятой, национальности. Такие вспомогательные карты необходимы для контроля, для проверки правильности заполнения карт-бланка сложной этнографической нагрузкой; самостоятельного значения подобные карты не имеют по той причине, что они показывают данный народ в условной изоляции, не соответствующей действительному географическому расселению его, удельному весу в отношении остального живущего на той же территории населения. Тем не менее в зарубежных географических и этнографических атласах сплошь и рядом встречаются подобные карты. Известны, например, английские карты географического расселения народов, говорящих на английском языке; не менее известны относящиеся к концу XIX — началу XX вв. карты «мирового» расселения немцев и т. д. Назначение этих «мировых» карт имеет очень отдаленное отношение к этнографии: это пропагандистские, националистические, расистские в своей основе проспекты, представляющие собой картографированные мечты о мировом господстве той или другой «расы господ».

Карта национального состава, как бы ни был мал в географическом отношении охваченный ею район, должна стремиться к наиболее полному отображению географического размещения всех живущих в данном районе этнических групп населения. Она должна дать представление об удельном весе показанных на карте наций, народностей и других, более примитивных этнических образований. Она должна отражать географическое размещение населения не только в виде территорий так называемых этнических массивов, т. е. районов, заселенных сплошь одной какой-либо национальностью, но и в смешанных районах, заселенных представителями разных национальностей. Это минимум тех требований, которые предъявляются к карте национального состава. «Идеальная» карта такого типа может отражать и более сложную этнографическую нагрузку, к которой относится подробный национальный состав каждого населенного пункта, а также обозначение границ этнических территорий отдельных народов (земли, обрабатываемые тем или иным народом, районы кочевий, рыбной ловли, пушного и охотничьего промысла и пр.).

В связи с этим на «идеальной» карте национального состава должны быть выделены незаселенные и хозяйственно неосвоенные места (пустоши, пустыни, болота, тундры, ледники, гребни гор, девственные леса, джунгли и пр.).

Для составления любой (даже не «идеальной») этнографической карты нужна специальная картографическая основа — с хорошо вычерченной гидросетью, четким рельефом, показом незаселенных и хозяйственно неосвоенных территорий. В некоторых случаях картографическая основа для этнографической карты должна иметь детально разработанную сеть сухопутных путей сообщения — в особенности в горных районах.

«Идеальной» карты национального состава еще никто не создал, но развитие этнической картографии идет в таком направлении, которое заставляет работать этнографов над обогащением картографической основы.

Способ составления карты и даже ее масштаб определяются в громадной степени тем материалом, который служит обоснованием карты. Между детальностью и полнотой этнографического обоснования и масштабом карты существует определенное соотношение: чем детальнее материал и чем он полнее, тем должен быть крупнее масштаб карты. И наоборот, чем схематичнее и беднее этнографический материал для обоснования карты, тем мельче следует брать масштаб карты.

Если этногеографический материал представляет собой суммарные сведения о географическом размещении народа в пределах области, края или какой-либо другой крупной территории, для составления карты национального состава вполне достаточен картографический бланк среднего и даже мелкого масштаба — от 1 : 2 500 000 до 1 : 10 000 000. Конечно, при этом приходится считаться также с плотностью населения: поэтому для стран Крайнего Севера или малозаселенных областей вне-европейских стран масштаб может быть всегда мельче, чем для индустриальных стран с большой плотностью населения.

Если этногеографический материал касается территорий, соответствующих примерно советскому административному району европейской части СССР, то масштаб карты следует увеличить до соотношения 1 : 500 000 (для слабо заселенных районов можно ограничиться масштабом 1 : 1 000 000). Этот масштаб принят для международной картографической документации, и на карт-бланках такого масштаба имеются все районные центры и крупные пункты.

Когда же этнографические данные касаются не только районов, но и отдельных населенных пунктов, масштаб карты не может быть менее 1 : 200 000, т. е. такого карт-бланка, на котором нанесены все населенные пункты. Пользование более крупными масштабами (1 : 100 000, 1 : 50 000) становится необходимым лишь в тех случаях, когда этногеографический материал для обоснования карты требует показа территории отдельного селения в плане. В виде примера можно указать на случаи, когда имеются детально разработанные статистические сведения о национальном составе отдельных кварталов селения или города.

Сказанное относится к рабочей основе карты, ибо любой масштаб может быть путем дальнейшей генерализации сведен к масштабу меньшему, если это допускает характер нанесенной на карту нагрузки. Обратный процесс — превращения мелкомасштабной этнографической карты в крупномасштабную — дает искажения, касающиеся основных элементов карты. Искажаются при этом не только географическая основа, но нарушается и соотношение отдельных составных частей этнографической нагрузки. Как бы ни увеличивать мелкомасштабную карту, на ней все равно не появятся отсутствующие детали и она не станет полнее. Правда, станет легче заметить ее недостатки, потому что они при увеличении масштаба станут заметнее. Поэтому иногда приходится — в целях

контроля — производить механическое увеличение (фотографическим способом) мелкомасштабных карт.

Выбор масштаба карты, таким образом, в значительной части не зависит от составителя, а лимитируется характером и полнотой этногеографического материала. Бывает, однако, и иначе: несмотря на значительную полноту материала, допускающую использование карт-бланка крупного масштаба, составителю приходится ограничиваться более мелким масштабом и в связи с этим отказываться от использования многих деталей этнической нагрузки. Это вызывается обычно отсутствием в руках составителя подходящей географической карты, достаточно подробной и детализованной. Иногда это связано с тем, что на географической карте не указаны границы административных районов, не нанесены упоминаемые в этногеографическом материале, служащем для обоснования карты, населенные пункты и т. д.

Когда дело касается сравнительно небольшой территории, необходимый для составления карты этногеографический материал может быть собран самим составителем: в таком случае полнота сведений и их детализация зависят от него самого. В практике современной этнической картографии случается сравнительно редко, чтобы этнограф оперировал при составлении карты только тем материалом, который он лично собрал; гораздо чаще ему приходится пользоваться готовыми источниками, содержащими материал различной степени полноты и детализации. Все большее место в обосновании этнографических карт начинает занимать статистический материал, взятый из официальных переписей, данные которых составитель корректирует этнографическими или лингвистическими источниками. Такой способ получения основного материала заранее определяет как применяемый составителями масштаб карт, так и степень их детализации.

Для составителя, работающего над картой национального состава тех стран, в которых отсутствует этническая статистика, совершенно бесполезно пользоваться крупномасштабным бланком географической основы, ибо он не заполнит этого бланка соответствующей этнографической детальной нагрузкой. Национальный состав населения Испании, Португалии, Франции, стран Передней Азии, Ирана, Афганистана, Китая, большей части материка Африки, почти всего материка Южной и Центральной Америки может быть нанесен составителем на мелкомасштабной карте. При этом границы любого народа, любой этнической группы нельзя будет определить в этих странах иначе, как «предположительно».

В отношении стран, имеющих официальную этническую статистику, составитель также будет ограничен характером материала. Как правило, публикуемые статистическими органами разработки народных переписей ограничиваются суммарными данными по районам, округам и областям (кантонам, департаментам, бециркам, графствам, провинциям и пр.). Небольшое количество стран Европы публикует сведения по сельским общинам и городам, но ни одно государство не издает справочников, в которых были бы приведены сведения о национальном составе каждого населенного пункта, хотя эти сведения собираются при каждой переписи. Поэтому составители, желающие работать над картой национального состава иностранного государства или над картой национального состава какого-либо континента, не могут иметь в своем распоряжении этногеографических данных об отдельных населенных пунктах той или другой страны — кроме той, в которой они живут. Их карты будут по необходимости схематичными, и пределом масштабности подобных карт является соотношение 1:500 000. Практически этот предел редко используется составителями, так как даже порайонные данные публикуются очень немногими странами.

В лучшем положении оказываются составители в отношении этногео-

графического материала с в о е й страны. Им обычно доступны статистические сводки по каждому населенному пункту (поселенные списки), а иногда и первичные материалы переписей. На основании этого материала они могут составлять подробные карты с указанием национального состава каждого населенного пункта. Такие материалы допускают показ на карте не условного (по районам) географического размещения населения, а действительного расселения народов. К сожалению, таких подробных карт выпущено немного, и они касаются только небольших территорий, главным образом в Европе. На первом месте среди современных карт национального состава населения, выполненных с такой детализацией, стоят некоторые этнографические карты, составленные в СССР.

* * *

Современная карта национального состава населения базируется главным образом на этнической статистике. Однако такая карта отражает расселение не всех групп населения, а только компактных. Вне-сенный в свое время Любором Нидерле корректив, уточняющий объект этнического учета — «компактное население», очень важен для понимания методов этнического картографирования. Компактным населением считается такая форма расселения, при которой люди сохраняют этнические связи, стараются жить вблизи от представителей той же национальности. В отличие от компактного расселения, «рассеянное расселение» предполагает нарушение этнических связей, проживание одиночек и изолированных семей в окружении чуждого им этнического массива. Корректив Нидерле устраняет значительные трудности при этническом картографировании, так как он снимает с карты национально расплывленную часть населения, являющуюся основным объектом ассимиляционного процесса. Только компактное население, т. е. живущее большими или меньшими этническими группами, может быть той средой, в которой развивается национальная культура.

В сельских местностях, как правило, национальные одиночки — явление редкое, и общая численность такого населения в пределах отдельных районов невелика. Отказ от картографирования этих одиночек не может исказить национальный состав населения района. Так как современная этнография изучает, к сожалению, до сих пор главным образом сельское население, то понятие компактного населения не вносит хаоса в карту национального состава и его — по отношению к сельским районам — следует принять. Это значительно упрощает технику этнического картографирования, дает возможность отказаться от нанесения на карту мельчайших обозначений.

Средний состав современной моногамной семьи в сельских местностях колеблется от 3 до 5 человек: следовательно, можно отказаться от нанесения на этнографическую карту любой инонациональной (в отношении данного этнического массива) группки численностью до 5 человек. Национальное развитие подобной группки, вкрапленной в чуждую ей национальную среду, совершенно бесперспективно — в большинстве случаев численный рост такой группки возможен только путем так называемых смешанных браков, т. е. браков с лицами другой национальности. Включение же в состав изолированной (в чуждой национальной среде) семья лиц другой национальности приводит к дальнейшему подрыву национальных традиций — подрыву, ускоренному проникновением в семейный быт языка другой народности. Ассимиляционные процессы при этом ускоряются. Правда, при генерализации карты может случиться, что общая численность национального рассеянного населения представит уже некоторую весомую величину. Как быть в таких случаях? Практически это может быть решено так: на территории области — вне населенных пунктов — ставится особый знак (цифра, буква), обозначающая

наличие данной национальности в распыленном состоянии, а в пояснительном тексте приводятся цифровые данные о численности такого населения.

Понятие компактного населения, повторяю, облегчает картографирование национального состава сельских местностей. Однако следует сказать, что значение этого корректива Нидерле не проверено в отношении этнического учета промышленных центров и городов. Можно представить себе, что, скажем, в пределах крупного города, имеющего население в сотни тысяч человек, тысячи национально распыленных одиночек и небольших семей, не поддерживающих непосредственно связи друг с другом, живут, все-таки сохраняя национальные традиции и родной язык. Как быть с картографированием такого населения? Многие из этих одиночек с течением времени воспринимают язык окружающего национального большинства и ассимилируются, но этот процесс протекает не мгновенно и требует времени. Отказываясь от картографирования некомпактного населения, не совершает ли картограф ошибки, принимая начинающийся и потенциально возможный процесс ассимиляции как вполне завершенный? Вопрос этот требует тщательного изучения, как и более общий вопрос об этническом учете городского населения. Так как, наряду с национально распыленным населением, в городах имеются и компактные группы национальных меньшинств, селящиеся в определенных кварталах или на определенных улицах (чтобы иметь возможность поддерживать этнические связи друг с другом), а этническая статистика учитывает их одними и теми же методами, не делая никаких различий между населением национально компактным и распыленным, то этническое картографирование городского населения следует признать пока крайне несовершенным.

Существуют ли другие лимиты минимальной численности населения, наносимого на этнографическую карту? Да, они существуют, хотя этностатистика учитывает национальный состав населения в каждом населенном пункте полностью, до 1 человека, но отобразить эту точность на картах наиболее употребительного масштаба нет никакой возможности. Применение корректива Нидерле создает само собой некоторый предельный нижний лимит — на карту не попадают мелкие изолированные национальные группы численностью до 5 человек. Генерализация карты приводит к необходимости обобщения статистических данных, к их суммированию. В существующем порядке этнического учета сводные данные во всех странах даются с приближением, и количество учитываемых национальностей и этнических групп относительно уменьшается по мере генерализации. В пределах отдельных районов учитываются обычно в сводках не более 10 национальностей, остальные подытоживаются как «прочие». Таким же образом приходится поступать и составителям этнографических карт. Разница только в том, что этнограф не применяет такой неопределенной категории, как «прочие», а старается обобщить данные нескольких близких в этническом отношении групп населения. На крупномасштабной карте он старается дать максимально допустимое количество национальностей — в пределах тех технических возможностей, которые допускает современная картография. Но на картах генерализованных среднего или мелкого масштаба приходится вводить обобщения и, таким образом, приходится говорить не столько о нижнем лимите этнического учета (количество учтенного населения остается попрежнему тем же, что и на крупномасштабной карте), сколько о сокращении этнической номенклатуры. Современные картографы умеют обозначать на этнографической карте одновременно несколько сот этнических единиц, но такие карты трудно составлять и еще труднее читать. Уместить на карте среднего масштаба 50—60 национальностей и этнических групп, как показал опыт, вполне возможно, даже применяя для каждого названия особый цветной оттенок акварели. В картографическом производстве.

при цветном печатании, количество оттенков может быть увеличено применением различной сетки. Поэтому трудности генерализации заключаются вовсе не в сложности разработки шкал цветных обозначений и не в бедности красок, а в другом — в обозначении на карте ничтожно малых этнических территорий и в картографировании смешанных в национальном отношении районов.

При этническом картографировании нескольких стран или целых континентов (независимо от детальности статистических сведений по отдельным странам) приходится, в целях унификации, значительно упрощать характер этнографической нагрузки. Это приводит к некоторому обеднению карты, но иного выхода нельзя придумать, поскольку этнографический материал по отдельным странам неоднороден. Чаще всего применяется при этом способ условной градации (в процентном отношении) этнического состава населения для выявления удельного веса различных этнических групп, живущих на одной территории. В этом состоит основной, применяемый большинством картографов, метод этнического картографирования смешанных территорий. При картографировании национального состава населения отдельных стран употребляются иногда очень детальные градации удельного веса отдельных национальностей — в зависимости от полноты соответствующих статистических данных и количества национальностей, проживающих на картографируемой территории. Известны, например, детальные градации немецкого института Юстус Пертус, относящиеся к картографированию некоторых европейских территорий. При наличии только двух национальностей этот институт употреблял скользящую цветную шкалу Пауля Лангханса и давал детальную градацию удельного веса отдельных национальностей с интервалами в 5—10% (см. рис. 1). Такова разработанная этим институтом карта национального состава Клайпедской (Мемельской) области по статистическим данным переписи 1905 г. Но в многонациональных районах применение скользящей цветной шкалы невозможно, а детальная 5- или 10%-ная градация создает такую пестроту, что в карте трудно разобраться; попытки применения этого метода не дают в таких случаях удовлетворительных результатов. В практике этнического картографирования последних десятилетий имеется пример подобного неудачного использования детальной процентной градации — например, в работе чехословацкого исследователя Б. Варсика («Этнографическая славянско-венгерская граница в двух последних столетиях», Братислава, 1940). Упомянутые карты составлены авторами на основании поселенных статистических данных тех стран, в которых составители проживают; в отношении зарубежных стран ни один составитель не находится в таком выгодном положении, ибо у него отсутствует возможность получить подобные детальные данные. Вот почему, независимо от желания составителя, градации карты национального состава зарубежных стран должны быть гораздо более широкими, чем карты той страны, где проживает составитель. Так как сама по себе этническая статистика многих европейских буржуазных стран далека от совершенства и, как правило, уменьшает числовые показатели, относящиеся к национально угнетенным этническим группам населения, более целесообразно применять при картографировании небольшое количество крупных градаций, сводящих процентные отношения этнических групп к пяти-шести делениям: от 5 до 19%, от 20 до 39%, от 40 до 59%, от 60 до 79%, от 80 до 95% — и свыше 95%. При наличии большого количества мелких и мельчайших национальных групп приходится понижать нижний лимит картографируемого населения и создавать еще одну градацию: от 1 до 5%. Дальнейшее размельчение нецелесообразно — даже в тех случаях, когда статистические сведения касаются крупных областей и представляют собой цифровые итоги, выраженные в шестизначных цифрах.

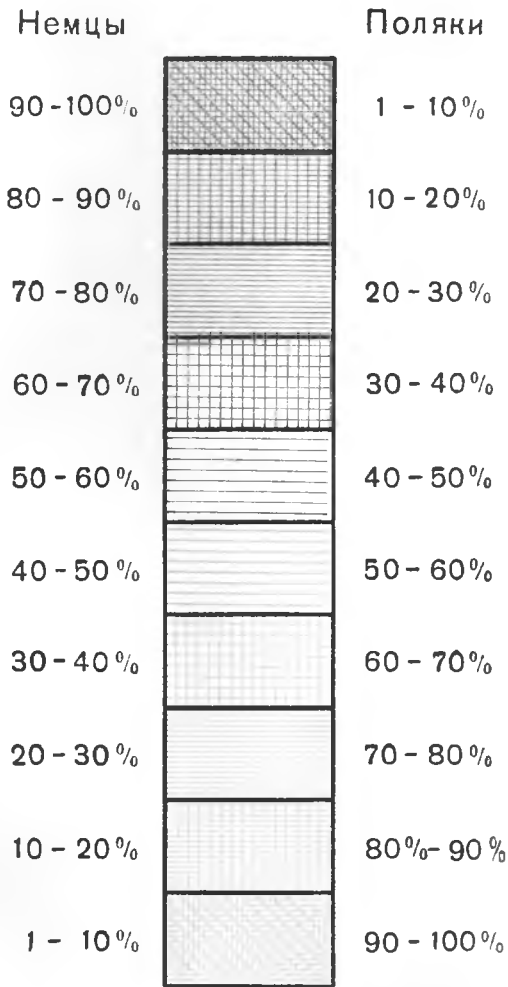

Рис. 1. Цветная шкала П. Лангханса для обозначения этнических территорий

* * *

Характер этнографической нагрузки на карте меняется в зависимости от полноты или схематичности источников, служащих обоснованием карты; в зависимости от характера нагрузки применяется тот или другой метод картографирования. Однако это не значит, что один и тот же материал не может быть картографирован разными методами; бесспорно лишь, что применение различных методов вызывает различные последствия, связанные с большей или меньшей легкостью чтения готовой карты. Задачей составителя является применение такого метода составления карты, который дает лучшие результаты. В каждом данном случае этот оптимальный метод может быть определен заранее, в пределах существующих разработанных картографической практикой приемов. Но так как составительская практика накапливает все новые и новые приемы, выбор методов картографирования не имеет лимита. Изучая применяемые приемы этнического картографирования, можно выделить среди них более совершенные и менее совершенные. Отсюда, однако, не следует делать вывода, что составитель всегда волен выбирать самые совершенные; решающей величиной, влияющей на метод составления карты, все-таки остается этногеографический материал, служащий обоснованием карты.

Наиболее простой способ этнического картографирования заключается в том, что на географической карте в определенном месте делается надпись (название народа), показывающая приблизительное место обитания того или другого народа. Этот способ унаследован нами от древнейших географов и характеризует этногеографические карты Птолемея и средневековых географов. Метод этот до сих пор широко применяется в исторических картах (в отношении древнейших периодов) и даже в некоторых географических картах малоисследованных территорий. Можно указать, например, на составленную Генеральным штабом географическую карту Российской империи (изд. 1894 г.), в которой на территории северных областей Сибири надписями обозначены места обитания отдельных народностей, принадлежащих к коренному населению Крайнего Севера.

Птолемеевский метод (так будем условно называть этот простейший способ составления этнографической карты) связан с характером источников, легших в обоснование карты. Древние географы получали свои сведения от путешественников и случайных людей, «очевидцев» или третьих лиц, передававших чужие рассказы о народах и местах их обитания. Как правило, эти сведения были отрывочны, неточны, сводились к тому, что рассказчик мог определить место обитания народа лишь приблизительно, ориентируя его в отношении какой-либо большой реки, горной цепи, морского побережья и пр. Так как древним географам и эти ориентиры приходилось устанавливать также путем опроса, не проверяя их лично на местности, то никаких границ расселения народа географ пометить на карте не мог. Надпись, говорящая о том, что данный народ обитает где-то возле реки, моря (помеченных на карте также предположительно), была единственным доступным составителю карты способом нанести на карту имеющийся этногеографический материал.

Казалось бы, что в настоящее время, когда географические карты составляются на основании топографических наземных и воздушных съемок, метод древних картографов делается ненужным и его можно заменить более совершенными приемами. На самом деле это не так. Примитивный способ определения местопребывания народа и теперь еще может оказаться единственным возможным для этнографа, если тот не может получить более точных сведений и принужден пользоваться данными опроса «очевидцев» или случайных людей. И если в отношении крупных народностей такие случаи бывают редко, то в отношении народностей

мелких, тем более в отношении племенных, родовых и мелких локальных подразделений отдельных народов этнографическая практика изобилует примерами необходимости устанавливать места обитания тех или других групп населения исключительно путем опроса сведущих лиц. Всякая попытка нанести на карту «точные» границы расселения такого населения связана с большей опасностью для науки, чем применение в подобных случаях плотемеевского метода. Когда границы расселения народа неточны и не могут быть исследователем установлены объективным путем, плотемеевский метод можно считать наилучшим способом отметить разведочный характер данных и указанием на необходимость дальнейших поисков более точных источников осведомления. В полевой практике этнографа применение этого примитивного метода этнического картографирования является обычно первой ступенью в определении границ территории, занятой изучаемым этническим подразделением.

Более сложным является такой метод картографирования, при котором на карту наносятся границы расселения народов, т. е. так называемые этнические границы. Одна из ранних и очень оригинальных карт такого рода была составлена Антоном Регулом в Петербурге в 1846 г. Называется она «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала, составленная в результате поездки в 1844—1845 гг. Антоном Регулы». Масштаб карты — 1 : 3 000 000 (приблизительно). На карту нанесены в виде цветных линий границы расселения вогулов, остяков, зырян, самоедов, татар, а также северные границы распространения земледелия, скотоводства, лесов, сосны и кедра и районы охоты. Таким образом, карта выявляет не только этнографические, но и этнокультурные границы. Так как линии этнических границ перекрещиваются, чтение карты несколько затруднено. Материалом для карты послужили собранные А. Регулом путем опроса данные о расселении народов, причем составителем была сделана попытка не только выявить национальность населения, но и определить характер его материальной культуры (земледелие, скотоводство, охота).

Однотипным этому методу этнических границ (но, пожалуй, менее совершенным) можно считать введенный лингвистами в практику этнического картографирования метод языковых границ. Этот метод основан на объективных, но неполных данных о распространении того или другого языка, диалекта, говора. Объективность заключается в том, что наличие того или другого диалекта и говора устанавливается путем изучения народного языка в определенной местности. Для этой цели организуются специальные научные экспедиции, собирающие лингвистический материал на месте, создаются корреспондентские пункты, распространяются анкеты и пр. Но в конечном счете устанавливаемая лингвистами так называемая языковая граница представляет собой только крайние пункты географического распространения того или другого языка; сплошь и рядом не проверяется при этом, действительно ли распространяется данный язык равномерно по всей территории, очерченной «языковой» границей, или внутри этих границ находятся районы и отдельные поселения, в которых жители говорят на другом языке, диалекте, говоре. В этом и заключается неполнота получаемых лингвистами данных.

В соответствии с применявшимися ранее в этнографии лингвистическими методами определения национальности, метод языковых границ проник и укрепился в этническом картографировании в прошлом столетии. При отсутствии хорошо поставленной этнической статистики этот метод давал возможность определять, правда, неточно, этнические массивы, т. е. районы, заселенные однородным в национальном отношении населением; поэтому и распространение метода языковых границ теснейшим образом связано с попытками этнокартографов свести этническое картографирование к выявлению однородных по национальному составу населения территорий, пренебрегая смешанными районами. Впо-

следствии, при развитии этнической статистики, метод языковых границ противопоставлялся официальным цензам на том основании, что он якобы точнее отражал действительную картину расселения народов (хотя в основу этнической статистики большинства стран со второй половины XIX в. был, как известно, положен также язык — как основной этнический определитель). Эти претензии на большую точность лингвистических исследований — большую «научность» по сравнению с данными цензов — следует отвергнуть. Этническая официальная статистика давала неточные данные вовсе не потому, что ее метод был порочным, а потому, что в дело оказались втянуты политические мотивы: не метод сбора материалов, а националистическая политика господствующих классов искажала постановку этностатистики. Но большинство буржуазных лингвистов не в меньшей мере заражено национализмом, чем буржуазные этностатистики. Пожалуй, даже наоборот: именно среди лингвистов национализм и шовинизм имеют наибольшее распространение. Поэтому и составляющиеся буржуазными лингвистами карты географического распространения языков и говоров менее всего могут претендовать на то, что они отражают действительную картину расселения народов.

Примером этнографической карты, составленной по методу языковых границ, можно считать относящуюся к 1903 г. «Этнографическую карту белорусского племени» Е. Карского⁶. В обоснование этой карты приводился исключительно лингвистический материал. В 1917 г. карта эта была переиздана⁷ почти без всяких изменений. Академик Е. Карский в своей объяснительной записке к последнему изданию карты указал, что базой для составления этой карты был «материнский язык». Но достаточно просмотреть материалы, на которые ссылается составитель, чтобы увидеть, что ни о каком «материнском языке» в данном случае говорить нельзя. Ни при первом издании карты, ни при ее переиздании не были использованы статистические данные первой всероссийской переписи народонаселения 1897 г.; материал, легший в основу карты, получен от корреспондентов или заимствован из литературных источников, причем при сборе его не применялось ни индивидуального, ни даже посемейного опроса. «Материнский язык» белорусов в материалах Карского касается целых селений, а потому его следует признать фикцией.

Р. Бэк тоже выдвигал на первое место язык, как наиболее удобный для статистики определить национальной принадлежности людей, но в своих теоретических обоснованиях он не шел так далеко, как идет Е. Карский. «Когда отдельные члены ее (народности) по тем или другим причинам утрачивают материнский язык, они перестают сознавать свою принадлежность к данному племени», — пишет Карский⁸. Эта псевдоаксиома академика Карского опровергается классическим примером Ирландии и многих других стран.

Нанесенные на карту Е. Карского этнические границы белорусов противоречат данным переписи 1897 г. На это можно возразить, что переписные данные не всегда обеспечивают правильное отображение национальных отношений — тем более, что в дореволюционных условиях представители угнетенных национальностей часто не имели возможности давать переписчикам правильные ответы о своей национальности и родном языке. Предположим, что в отношении переписи 1897 г. эти возражения обоснованы. Но границы расселения белорусов, по Карскому, не соответствуют и данным советской переписи 1926 г.⁹ Достаточно сопо-

⁶ Е. Карский, Белорусы, кн. 1. Введение к изучению языка и народной словесности, Вильно, 1904, стр. 20—21.

⁷ Е. Карский. Этнографическая карта белорусского племени, Пг., 1917.

⁸ Е. Карский, Этнографическая карта белорусского племени, объяснительная записка, Пг., 1917, стр. 1.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г., М., 1928—1929, отдел I (народность, родной язык, возраст, грамотность), т. II, табл. X, стр. 40—43 и т. X, табл. X, стр. 214—223 и 240.

ставить эти данные с картой академика Карского, чтобы увидеть их коренное расхождение. Оговорки, применимые к переписи 1897 г., не применимы к переписи в советских условиях. Опрос населения производился в обстановке действительно демократической, и цифры, попавшие в статистические сводки, основаны на подлинных ответах самого

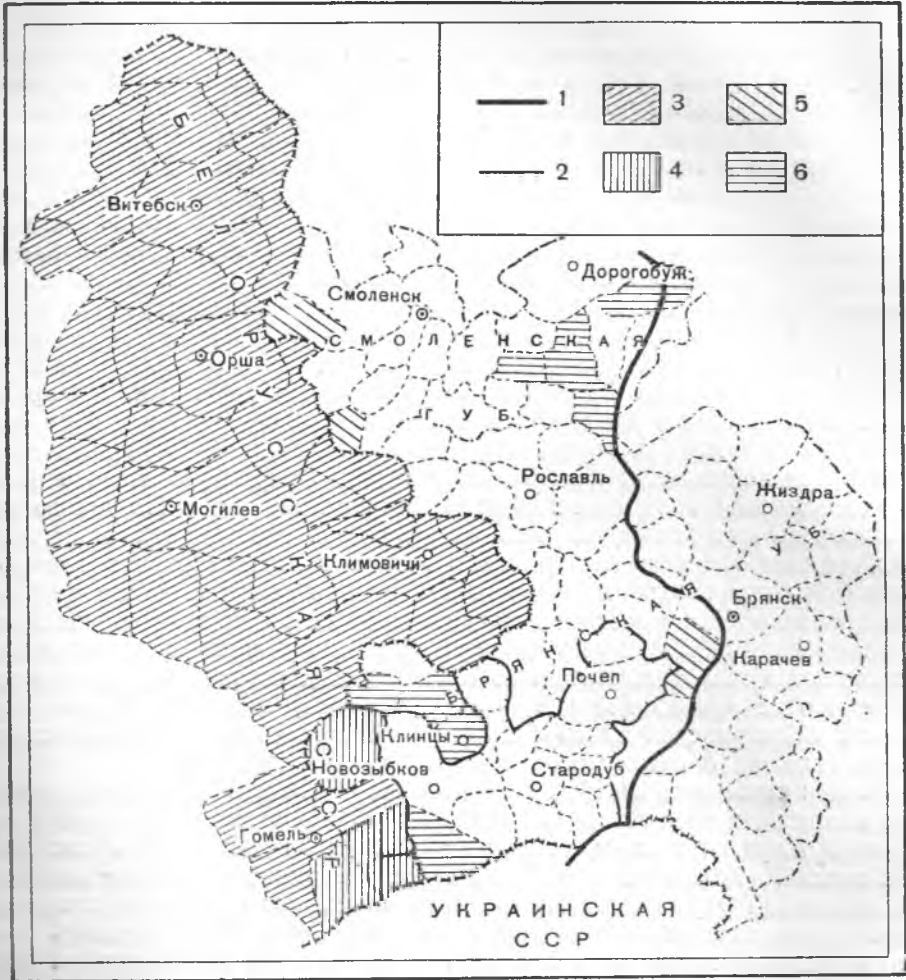

Рис. 2. С х е м а. Восточная граница расселения белорусов по данным переписи 1926 г.: 1 — восточная граница расселения белорусов, по Карскому; 2 — северная граница расселения украинцев. Территории, заселенные белорусами; 3 — свыше 50%; 4 — 20—50%; 5 — 5—20%; 6 — 3—5%

населения. Нет никаких оснований утверждать, будто при этом кто-либо мог принуждаться морально или физически к даче неправильных ответов. Чем же в таком случае объясняется расхождение этнических границ Карского с переписными данными 1926 г., разница в крайних датах которого составляет лишь 9 лет? Совершенно очевидно, что за такой короткий срок не могло произойти коренного изменения национального состава изучаемых районов — тем более среди сельского населения (национальный состав городского населения на карте Е. Карского не отображен).

Единственным объяснением этого может быть лишь то, что карта «белорусского племени» не отражает подлинного положения вещей.

Восточную границу расселения белорусов Е. Карский отодвинул далеко за пределы той территории, где живет компактное белорусское население; он пренебрег показом смешанных в национальном отношении районов и потому общая картина расселения белорусов оказалась искаженной.

Составление этнографической карты этим методом лишает ее возможности правильно отразить географическое расселение народов, потому что в основу карты кладется лишь языковый определитель, а национальное самосознание и этнический быт остаются вне поля зрения составителя. Метод этот не учитывает наличия смешанного в национальном (а тем самым и в языковом) отношении населения и пренебрегает показом на данной территории всякого иноязычного населения; кроме того, при этом методе крайние границы распространения языков и говоров не всегда учитывают наличие иноязычного населения, живущего в глубине очерченной территории.

Использование метода языковых границ при составлении карт национального состава населения можно считать устаревшим способом, от которого этнографу необходимо отказаться; но это вовсе не значит, что этнограф должен пренебречь лингвистическим материалом при выявлении этнических территорий народов. Данные о распространении отдельных языков и говоров должны учитываться составителем карты потому, что они могут оказаться ценным коррективом к этностатистическим материалам официальных цензов — если такие цензы существуют, или стать одним из основных элементов карты (наряду с данными о распространении различных обычаев, национальной одежды, народной кулинарии, типа жилища и пр.) при отсутствии этнической статистики.

* * *

В противовес методам лингвистической карты «этнических границ» следует привести несколько примеров этнографических карт, основанных на статистическом материале, выявляющих не крайние границы распространения той или другой национальности, а территории их расселения. Статистический материал при этом не всегда берется из официальных цензов — весьма часто он представляет собой сводку данных, собраных самим составителем или его корреспондентами. Такие карты стали появляться с половины XIX в., но наибольшее количество их относится к началу XX в. Одной из первых карт этого типа является карта, составленная Петром Кеппеном в Петербурге в 1849 г. Обоснование карты П. Кеппена, названной «Этнографической картой Петербургской губернии» (масштаб 15 верст в английском дюйме), состояло частично из официальных статистических сведений, а частично — из корреспондентских сведений этнолингвистического характера. На карте, составленной на немецком языке¹⁰, показаны этнические территории вотяков, ингров, эвримейсет, савакот, эстов, карелов и немцев-колонистов; как это ни странно, на этнографической карте Петербургской губернии не нашлось места для русских. Это можно объяснить только тем, что П. Кеппен, видимо, хотел дать карту расселения национальных меньшинств.

Этнические территории каждого народа на карте Кеппена окрашены соответствующим цветом, который указан в условных обозначениях.

¹⁰ Не только карта Кеппена, но и ряд других карт (например, Билленштейна и др.) издавались Российской Академией Наук в XIX в. на немецком языке. В этом сказались влияние придворных кругов, немецкое засилье в которых непосредственно отражалось и на Академии Наук.

Кроме того, на карте подчеркнуты цветными линиями некоторые населенные пункты: следует предположить (поскольку это не оговорено в условных обозначениях), что таким путем составитель хотел отметить отличие национального состава данного населенного пункта от национального состава населения окружающей сельской округи. По методам нанесения этнической нагрузки карта П. Кеппена стоит значительно выше карт этнических или языковых границ, ибо на карте Кеппена сделана попытка установить размер и конфигурацию этнических территорий (правда, только в отношении национальных меньшинств). Это был, пожалуй, первый опыт составления этнографической карты методом этнических территорий — опыт не вполне удачный, поскольку на карте Кеппена не выявлены наглядно районы смешанного расселения различных национальностей.

После выхода в свет этнографической карты П. Кеппена появилось много карт подобного же типа в России и за границей. Карты эти базировались большей частью на данных официальной статистики и охватывали более крупные территории, чем первоначальная карта Кеппена. Среди этих карт представляет наибольший научный интерес «Языковая карта Прусского государства», составленная Рихардом Бэком в 1864 г. (на основе переписи населения в Пруссии в 1861 г.). Поскольку прусская перепись 1861 г. учитывала национальность населения по родному языку, Бэк назвал свою карту «языковой», но это была не лингвистическая карта, а карта национального состава.

На карте Бэка, выполненной методом этнических территорий, показаны территории, заселенные немцами, литовцами, курами и поляками, причем составитель применил такой прием показа, который дал ему возможность выделить не только районы этнических массивов (с однородным в национальном отношении населением), но и этнически смешанные районы. Бэк установил следующие градации этнического состава населения в отдельных районах: 1) территории, на которых проживают одни немцы (100% населения); 2) территории, где свыше 80% населения принадлежит к немецкой национальности, а остальное население — литовцы или куры; 3) территории, на которых от 60 до 80% — немцы; 4) территории, на которых от 50 до 60% населения — немцы, а остальное население — литовцы или куры; 5) территории, на которых от 50 до 60% — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 6) территории, на которых от 60 до 80% населения — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 7) территории, заселенные на 80% и свыше поляками.

Метод показа смешанных районов, примененный Р. Бэком, оказался вполне удачным в отношении тех территорий, на которых обитало население, принадлежащее к двум различным национальностям; попытка изобразить тем же методом территории многонациональных районов, в которых проживали три и более национальностей, не увенчалась успехом. Только через десять с лишком лет (в 1876 г.) Х. Киперт смог предложить более совершенный способ показа многонациональных районов на этнографических картах — это была «Этнографическая карта Балканского полуострова», на которой районы смешанного населения были закрашены перемежающимися цветными полосами, цвет которых соответствовал условным обозначениям определенных народов. Метод Киперта увеличивал возможности картографического показа этнических территорий, но по сравнению с методом Бэка был менее точным в том отношении, что игнорировал численное соотношение национальных групп в пределах смешанных районов, ибо цветные полосы национального большинства и национального меньшинства были на карте равновелики. Дальнейшее усовершенствование этого метода задержалось на многие десятилетия, и только советские картографы

сумели разработать его так, чтобы этнографическая карта отражала не только национальный состав населения, но и его относительную численность на определенных территориях.

В 1907 г. Л. С. Берг, ныне академик, составил «Этнографическую карту сельского населения Бессарабии», переизданную потом в 1923 г. В основу карты были положены данные, собранные В. Н. Бутовичем при помощи корреспондентов, а также данные всероссийской переписи 1897 г. Л. С. Берг отказался от метода этнических границ и пошел по пути П. Кеппена, т. е. картографирования этнических территорий. В отличие от Кеппена, давшего в своей «Этнографической карте Петербургской губернии» лишь территории, занимаемые национальными меньшинствами, и пренебрегшего показом территорий национального большинства, Л. С. Берг попытался отразить на своей карте полностью все этнические территории: он картографировал расселение населения по территории таким образом, чтобы даже самая маленькая этническая группа нашла на карте свое место. Л. С. Берг так пояснял свой метод: «На карте обозначены все национальности, составляющие не менее 10% населения данного пункта. Площади, занятые окраской, приблизительно соответствуют процентному соотношению народностей в данном месте» (стр. 5 пояснений к карте). Каждая территория, обозначенная тем или иным цветом на карте Л. С. Берга, должна была, по идее составителя, быть показана заселенной только одним народом. Это не вполне соответствовало действительному положению вещей, ибо в материалах Бутовича упоминалось о многих селах, в которых жили одновременно русские, украинцы, молдаване, евреи и другие народности; поэтому картографический метод, примененный составителем, вводил некоторую условность, отводя каждой народности, живущей в селе, свою особую территорию. Как же это делалось? Если, к примеру, в селе имелось 40% молдаван, 30% русских и 30% украинцев, то составитель в соответствии с этой пропорцией (4 : 3 : 3) делил всю территорию, принадлежавшую крестьянам данного села, на три отрезка, каждый из которых окрашивал цветом соответствующей национальности. Географическое размещение соответствующих национальностей в селе не соответствовало показу их на карте — оно было условным, и в этом не было бы особой беды, ибо существует ряд других, признанных наукой методов условного размещения на карте населения в пределах районов, областей и пр., при которых население тоже не привязывается к определенным географическим пунктам. Но этот метод имел другое, очень важное в принципиальном отношении неудобство: он устранял самое понятие смешанных в национальном отношении территорий. При картографировании по методу Л. С. Берга создавалось впечатление, будто бы каждая национальность, представленная в данном селе, обособлена, занимает самостоятельную территорию, между тем как молдаване, украинцы, русские, евреи в этих селах в действительности жили соседями на одних и тех же улицах, легко общались друг с другом и вследствие этого перенимали от своих соседей обычаи, материальную культуру и язык, весьма часто говорили одинаково свободно на двух-трех языках или создавали смешанный переходный русско-молдавский или украинско-молдавский говор. Эту специфику смешанного национального района метод, примененный Л. С. Бергом, не отражал, и потому его приходится признать неудачным. В современных нам условиях колхозного строя такой метод совершенно непригоден: в колхозах, имеющих смешанное в национальном отношении население, земельная площадь не делится по национальному признаку и потому совершенно невозможно было бы указать на карте даже условно отдельные территории для каждой национальности.

Методом Л. С. Берга воспользовались в 1926 г. составители этнографической карты Украинской Социалистической Советской Республи-

ки («Етнографічна мапа Української Соціалістичної Радянської республіки», Київ, 1925; масштаб карты 1 : 750 000). Каждый народ, каждая этническая группа в пределах определенной территории показаны на этой карте самостоятельно, пропорционально той площади, которую они занимают, и примерно в географически близких местах обитания. Национально смешанные районы на карте отсутствуют, за исключением крупных городов, национальный состав которых показан в виде небольших диаграмм. На карте обозначены этнические территории следующих народов: украинцев, русских, немцев, молдаван, болгар, евреев, греков, поляков, чехов, белорусов, прочих. Несмотря на попытку составителей обогатить метод Л. С. Берга (путем показа национального состава городов), карта эта обладает теми же недостатками, что и ее прообраз, т. е. карта Л. С. Берга: конфигурация и географическое размещение этнических территорий на ней не отражают действительности.

Метод этнических территорий был применен П. Кеппеном для составления карты национальных меньшинств, но этот же метод можно использовать и для обратного — для показа этнических массивов национального большинства. По существу и в том и в другом случае составитель делает одну и ту же операцию — игнорирует национально смешанные районы. Сторонники мажоритарного принципа именно так стали применять кеппеновский метод. На этнографических картах, где последовательно проведен этот принцип, показывается на каждой обособленной территории только национально однородное население.

Если карта разработана на основании микрорайонных данных, то отрицательные черты этого метода тем меньше, чем меньше микрорайон, но даже в самом оптимальном случае, когда микрорайон равен отдельному населенному пункту, отрицательные черты не исчезают. Всякая генерализация карты увеличивает при этом искажения, а в картах среднего и мелкого масштаба они уже исключительно велики. К чему приводит мажоритарный метод в этническом картографировании, показывает разительный пример «Схематической этнографической карты новых образований Средне-Азиатских республик», изданной Узбекомпомом в 1927 г. (?). Масштаб карты — 80 верст в одном дюйме. В условных обозначениях карты показаны следующие национальности: «русские, туркмены, киргиз-казаки, кара-калпаки, таранчи, узбеки, таджики, кара-киргизы, курама, прочие». Мажоритарный метод раскраски этнических территорий, примененный при составлении этой карты, привел к совершенно невероятным курьезам: не говоря уже о том, что в Ташкенте, Ашхабаде, Красноводске совершенно отсутствует русское население, из столицы Кара-Киргизской автономной области (в то время) г. Фрунзе (Пишпек) исчезли киргизы, из столицы Казахской (в то время Киргизской) республики г. Алма-Ата исчезли казахи! Можно было бы привести и другие нелепости, обозначенные на этой карте (например, в Самарканде не оказалось узбеков!), — нелепости, являющиеся следствием последовательного проведения мажоритарного метода в этническом картографировании.

В зарубежных буржуазных странах мажоритарный метод нашел себе широкое применение в этническом картографировании — в особенности в изданиях, предназначенных для учебных целей, и во всевозможных настольных и карманных атласах, имеющих наибольшее распространение. Отражая в этой области общее направление национальной политики капиталистических стран, попирающей права национальных меньшинств и угнетенных национальностей, мажоритарный метод выполняет сугубо пропагандистские цели. Вот почему приходится категорически возражать против применения этого метода в этническом картографировании на территории СССР — и тем более для учебных целей. Между тем в учебном географическом атласе для средней школы,

издаваемом в течение многих лет Учпедгизом, из одного издания в другое вплоть до 1950 г. перепечатывалась учебная карта национальностей СССР, составленная по мажоритарному методу. Как бы ни был мелок масштаб учебной карты (в данном случае он равен 1 : 20 000 000), все же при современной технике картографирования существует полная возможность выделить на этой карте смешанные в национальном отношении районы.

* * *

Предложенный П. Кеппеном и дополненный Р. Бэком метод картографирования развивался не только в тех отрицательных направлениях, о которых сказано выше, — он послужил также основой для развития современного метода этнических территорий с показом смешанных районов, который преобладает в настоящее время в советской картографии. Переходом к новой системе этнического картографирования следует считать «Этнографическую карту Самаркандской области в границах 1917 г.», составленную в 1926 (?) г. И. И. Зарубиным. Масштаб карты — 1 : 840 000. На этой карте составитель показал не только «чистые» в этническом отношении территории, т. е. заселенные однородным по своему национальному составу населением, но и территории смешанного населения. Более того, Зарубин попытался отобразить этнический процесс в его динамике, нанеся на карту районы обитания «отуреченных иранцев». Условные обозначения предусматривают отображение на карте этнических территорий следующих народностей и этнических групп: «узбеков (в том числе кара-калпаков, туркмен, куратинских, отуреченных иранцев), казахов, киргизов, курама, таджиков (в том числе ягнобцев), ирани, арабов, русских; кроме того смешанные районы узбеков и киргизов (а также отуреченных иранцев); таджиков и узбеков; таджиков, узбеков, русских и среднеазиатских евреев».

Как видно из приведенной выдержки, И. И. Зарубин не привел в систему обозначение на карте этнических территорий, в особенности смешанных. Преобладание штриховой техники над цветной обеднило цветное оформление карты. Но наибольшим недостатком карты Зарубина приходится считать отсутствие единства в определении национального состава смешанных районов — отсутствие той картографической систематизации, которая объединила бы научное обоснование и техническое обозначение. Несмотря на указанные крупные недостатки, карта И. И. Зарубина явилась переломным этапом в советском этническом картографировании и направила работу Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС АН СССР) в определенное русло — разработки новых вариантов метода этнических территорий.

Следующим этапом картографической работы комиссии была большая «Этнографическая карта Сибири» на шести листах. Карта была составлена в 1927 г. по данным переписи 1897 г. и позднейших местных переписей. Карта охватывает не только территорию Сибири, но и большую часть европейской территории СССР и выполнена в масштабе 1 : 4 200 000.

По своей методологии указанная карта отличается от карты И. И. Зарубина большей разработанностью одного и того же принципа. В основу карты был положен микрорайон — волость, в пределах которого определены не только «чистые» в этническом отношении территории, но и территории, заселенные смешанным населением. Новинкой на этой карте была попытка выделить незаселенные и необжитые районы — попытка, не давшая радикальных результатов, потому что она не была проведена последовательно. Выделив в европейской части СССР незаселенные районы, составители обозначили громадные про-

странства Крайнего Севера и среднеазиатских пустынь как районы сплошных кочевий, что не может быть признано правильным, ибо кроме районов кочевий на этих территориях много совершенно неиспользованных человеком, хозяйственно неосвоенных пространств.

В отличие от упомянутой выше карты И. И. Зарубина, «Этнографическая карта Сибири» имеет более стройную легенду, в которой народы сведены в этнически близкие друг другу группы. Вследствие этого оказалось возможным сравнительно легко и отчетливо разместить по этническим территориям 191 народность, причем каждая народность получила свою особую цифру и цвет. Приведено в систему и обозначение смешанных районов: на территориях, заселенных несколькими народами, показана цветными полосами, обозначающими ту или иную национальность, каждая из них. Численно преобладающая на данной территории народность обозначена более широкой цветной полосой, менее численная — более узкой полосой; таким образом удалось показать удельный вес (в численном отношении) каждой народности на определенной территории. Это был гораздо более совершенный метод этнического картографирования, чем предложил Киперт на карте Балканского полуострова, где территории смешанного населения были показаны разноцветными полосами одинаковой ширины, т. е. произведена лишь констатация того факта, что на этих территориях обитает несколько народностей.

«Этнографическая карта Сибири» была первой советской этнографической картой, охватывающей большую часть территории Советского Союза и составленной на основании переписных данных микрорайона. При составлении этой карты были в виде корректива использованы многочисленные местные переписи и исследования этнографические и лингвистические. Научная база карты была весьма основательной и доброкачественной.

Демографические и этнические процессы, происходящие в СССР, протекали, однако, значительно быстрее, чем разработка этой карты; в год ее издания появились первые сводки проведенной в 1926 г. новой переписи — переписи, дающей гораздо более богатый и более близкий материал, чем переписи 1897 и 1920 гг. Карта в момент своего издания в значительной степени имела лишь историческое значение — она уже не могла отразить советской современности.

Микрорайон-волость казался составителям в период разработки указанной карты идеальным обоснованием детальной этностатической нагрузки; но перепись 1926 г. предоставила в распоряжение этностатистиков материалы по каждому населенному пункту. На основании такого материала можно разработать самую детализованную, самую подробную этнографическую карту всей территории Советского Союза. Академия Наук СССР получила в свое распоряжение необходимый материал для составления подобной карты, но организовать составительскую работу КИПС не сумел, и «Этнографическая карта Сибири» до настоящего времени является последней детальной картой национального состава СССР. Другой научной этнографической карты, охватывающей большую часть территории Советского Союза, пока еще нет.

Значительным методологическим недостатком «Этнографической карты Сибири» является неудачное обозначение районов кочевания, смешение этих районов с хозяйственно освоенными и хозяйственно неосвоенными территориями. В конце концов, путаница в обозначении указывала на недостаточную разработанность самого понятия неосвоенных пространств. Составители карт затруднили правильное чтение ее тем, что неисследованные белые пятна советской территории превратили в районы якобы изученные и хозяйственно освоенные. В действительности большинство так называемых районов сплошных кочевий хозяйственно не освоено до настоящего времени. На карте они занимают большое место — настолько большое, что масштаб карты в северных

областях Сибири оказывается неоправданным, несоразмерно великим. В картографическом отношении «Этнографическая карта Сибири» составлена диспропорционально, ибо районы, имеющие действительно большую нагрузку, и районы, почти лишенные этой нагрузки, имеют один и тот же масштаб.

Если для указанной карты может служить оправданием стремление представить всю территорию СССР в едином измерении, то для аналогичной карты, охватывающей отдельный северный район, а именно для «Этнографической карты Мурманской области», составленной Д. Н. Золотаревым, избранный составителем масштаб (1 : 1 000 000) совершенно не обоснован. Этнографическая нагрузка, имеющаяся на карте, может быть размещена на карт-бланке гораздо меньшего масштаба. Вместе с тем неоправданный масштаб карты обнаруживает то, что составитель, видимо, не имел в виду показать: недостаточную научную разработку этнографических данных о районах лопарских кочевий и вообще данных о кочевом населении Кольского полуострова.

* * *

Поскольку публикация этностатистических данных большинства стран дает только суммарные цифры по административным территориальным делениям первого и второго порядка (тем самым исключается возможность использования составителем статистических данных по микрорайонам), нанесение на карту конфигурации этнических территорий, в особенности в районах смешанного населения, превращается в сложную задачу. Составитель этнографической карты зарубежной страны принужден пользоваться, кроме статистики, лингвистическими исследованиями, этнографическими описаниями, географическими атласами, консультациями сведущих лиц, чтобы привязать суммарные данные цenzов к определенной территории. При нарушении непосредственной связи этнографической нагрузки с географической основой (нарушении, вызванном неполнотой статистических источников), этнографическая карта зарубежных (для составителя) стран имеет тенденцию превратиться в этнокартограмму, т. е. в условное обозначение на карте этностатистических данных, не связанных с географическими пунктами.

При составлении же этнографической карты нескольких зарубежных стран или этнографической карты целого континента возникают дополнительные трудности, связанные с необычайной пестротой этногеографического материала. Унифицировать источники невозможно, однако возможно унифицировать метод показа, метод выявления материала на карте. Такую попытку унификации метода показа пытается разрешить рукописная «Этнографическая карта Зарубежной Европы», составленная Институтом этнографии Академии Наук СССР в 1948 г. Карта эта, выполненная на 12 листах в масштабе 1 : 2 500 000, отражает национальный состав зарубежных стран Европы к началу 1946 г., подытоживая тем самым изменения в национальном составе отдельных стран, происшедшие во время второй мировой войны и после нее. Составлена карта методом этнических территорий с выделением смешанных районов. Легенда карты содержит 57 наций и народностей, каждая из которых показана особым цветом и (в смешанных районах) порядковой цифрой. Цветовые обозначения разработаны так, что близкие в этническом отношении народности имеют близкие цветовые оттенки условного обозначения. На тех территориях, где живет одновременно несколько национальностей (в смешанных районах), каждая из них показана цветной полосой соответствующего оттенка, причем ширина полосы зависит от относительной численности (удельного веса) этой национальности (см. рис. 3).

Принятые шесть градаций (от 5 до 19%, от 20 до 49%, 50%, от 51

до 69%, от 70 до 95% и 100%) дают возможность показать удельный вес отдельных национальностей с достаточной точностью. Но эта точность все же приближенная, потому что в основу карты положен разнородный материал, унифицирован лишь метод его показа.

О характере материала и методах, примененных при составлении карты, дают представление следующие три примера, относящиеся к различным областям Европы — к группе стран Центральной Европы и Северо-Балканских стран, к Скандинавскому полуострову и к Пиренейскому полуострову.

В странах Центральной Европы и в Балканских странах (за исключением Греции) этническая статистика, несмотря на ее недостатки, может служить базой для составления этнографической карты. Публикации дают возможность принять за основную территорию картографической нагрузки довольно мелкий административный район, что имеет особое значение для территорий смешанного населения. Поэтому главной задачей составителей являлась проверка правильности переписных данных (путем анализа переписей за ряд лет, сопоставлением данных цензов с выборочными обследованиями, школьной и церковной статистикой, избирательной статистикой и пр.). В тех случаях, когда имелись подробные карты (по районам) национального состава, разработанные по материалам цензов, — как, например, в Чехословакии и Румынии, — было нетрудно определить географическое размещение отдельных национальных групп в пределах районов (чего публикации цензов не давали). Этнографические исследования и консультации сведущих лиц (живших в этих странах в течение длительного времени) имели при этой работе лишь вспомогательное значение. Сведения о происшедших за время войны и после нее перемещениях населения были получены различным путем: в некоторых случаях по литературным источникам, в других — путем непосредственного запроса с мест. Так была создана этнографическая нагрузка этой части карты.

Этнографическая нагрузка территорий Пиренейского полуострова не имела такой фундаментальной научной базы. Из-за полного отсутствия в Испании и Португалии этнической официальной статистики составителям приходилось ориентироваться на данные лингвистических исследований и немногочисленные публикации этнографического характера. Полученные таким образом сведения были проверены путем консультации с рядом сведущих лиц (лингвистов, географов, историков, а также представителей местной национальной интеллигенции, живущих в настоящее время в СССР) и сличены с существующими этнографическими картами данных территорий, причем расхождения всякий раз выяснялись и уточнялись. Так была создана этнографическая нагрузка, которая нанесена на эту часть карты. Она унифицирована в соответствии с общей установкой, но имеет гораздо более условный характер, чем в других частях карты.

Этнографическая нагрузка Скандинавского полуострова представляла трудности для составителя лишь в отношении северных районов — мест смешанного расселения норвежцев, шведов, квенов и лопарей. Существующая этническая статистика последних лет недостаточно полно учитывает численность лопарско-квенского населения, а публикации цензов не дают точных сведений о географическом размещении этого населения. Путем сравнительного изучения статистических данных за ряд лет и определения географических пунктов расселения лопарей и квенов по этнографическим источникам и топонимике районов, составителю удалось выяснить как численность лопарско-квенского населения, так и его географическое размещение. Проверка этих данных была произведена сличением их с существующими этнографическими картами и политическими документами (замечаниями норвежской делегации в Лиге Наций в связи с составленной Габри этнографической

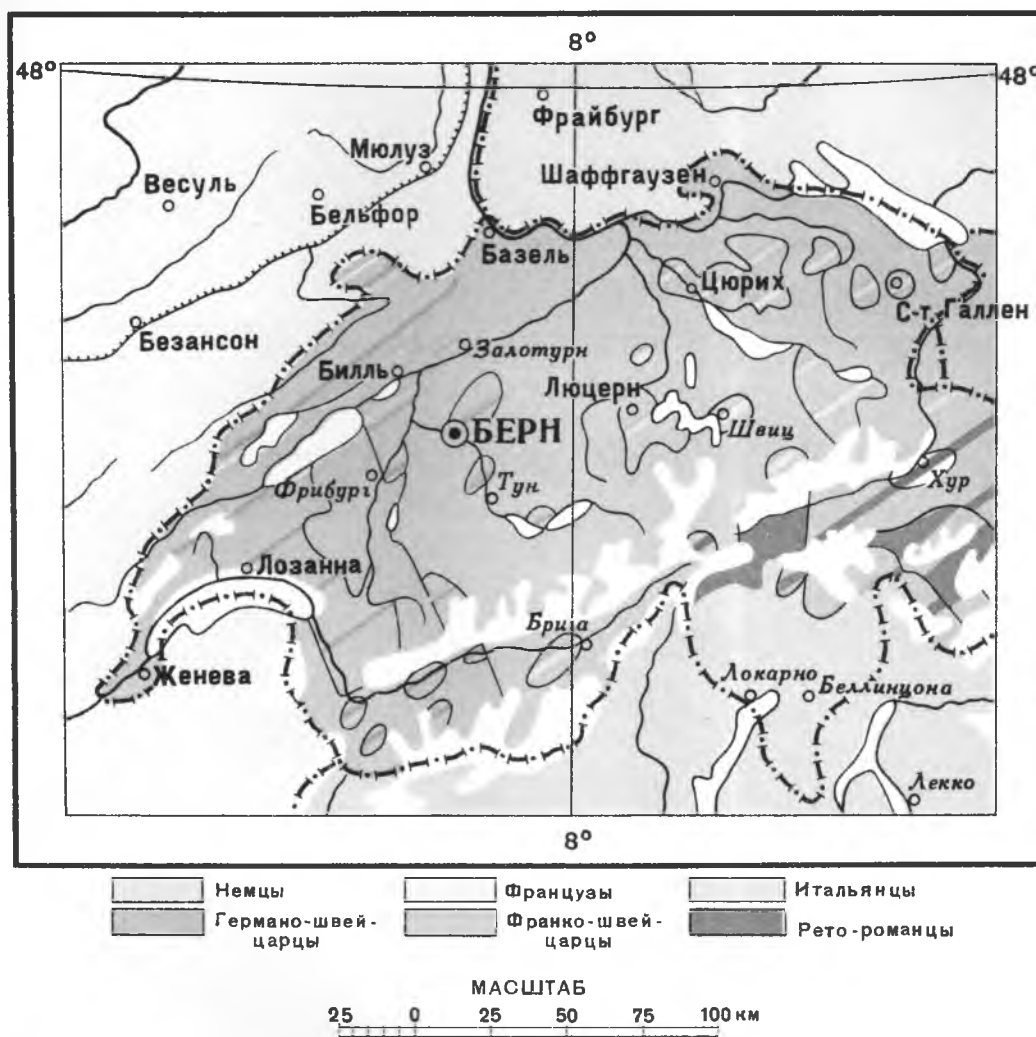

Рис. 3. Центральная часть Этнографической карты зарубежной Европы (масштаб 1:2500000), составленной Институтом этнографии АН СССР в 1948 г.

картой Европы), а расхождения проверены. Так была создана этнографическая нагрузка этой части карты.

Из этих примеров видно, насколько неоднороден материал «Этнографической карты Зарубежной Европы» и как велики еще трудности, стоящие перед составителем такой карты в настоящее время. Однако наличие подобных трудностей не должно служить причиной для отказа от составления этнографических карт зарубежных стран — карты эти необходимы, и даже в таком несовершенном виде они дают возможность определить этнический состав населения целых континентов, географическое размещение отдельных национальностей.

Среди этнографов очень сильно течение (возникшее под влиянием указанных трудностей отобразить географическое размещение мелких национальных групп населения) совершенно отказаться от определения этнических территорий и этнических границ, а взамен этих элементов этнографической карты ввести показатели статистико-демографического характера. В связи с этим во многих европейских и внеевропейских странах этнографическая карта подменяется этнокартограммой, на которую нанесены данные об абсолютной или относительной численности национальностей и о плотности населения.

Изобразительные формы подобных этнокартограмм однообразны — это цветные круги с сегментами, цветные столбики, цветные параллелограммы и квадраты и пр. Иногда на территории тех или других административных делений помещаются цветные точки и кружочки разных величин; в этих случаях цвет кружка определяет национальность, а величина кружка — численность. Кружки не привязаны к географическим пунктам, располагаются на территории вне зависимости от географического размещения в данном районе той или другой национальности. В виде примера можно привести этнографическую карту Европы в польском атласе Ромера.

Подробный разбор методов составления этнокартограмм не входит в нашу задачу. Замена этнографической карты этнокартограммой означает неполноту статистических материалов, доступных составителю, или объясняется какими-либо особыми причинами. Нередко одной из этих причин являются политические соображения, мешающие выявлению действительного этнического состава населения. Не случайно в США, где картографическая работа поставлена достаточно хорошо, не издается вовсе этнографических карт страны. Правда, публикуемые данные цензов не дают достаточного материала для составления таких карт, но местный исследователь — при желании — мог бы получить доступ к первичному статистическому материалу, касающемуся национального состава каждого населенного пункта США, и на основании этого детального материала имел бы возможность составить этнографическую карту. Однако появление такой карты не в интересах империалистической клики, направляющей политику страны: эта карта обнаружила бы, что население США не только не однородно в национальном отношении, но и многонационально, и что в пределах южных штатов можно картографировать особую негритянскую этническую территорию, на которой англо-саксонское население будет представлено лишь небольшими этническими островками или даже пятнами. Выпустить в свет такую карту не решится ни одно картографическое издательство США. Этнографическая карта выявляет связь национальных групп населения с определенной территорией, поэтому она для американских издателей одиозна и подменяется картограммой. Тем самым проблема этнотерриториаль-

ная снимается с обсуждения — вместо нее читателю подсовывается проблема абсолютной или относительной численности разноязычного (но не многонационального!) населения.

* * *

Кроме карт собственно этнографических, существуют очень близкие к ним по своим задачам карты расселения, которые превращаются в этнографические карты в тех случаях, когда на этих картах

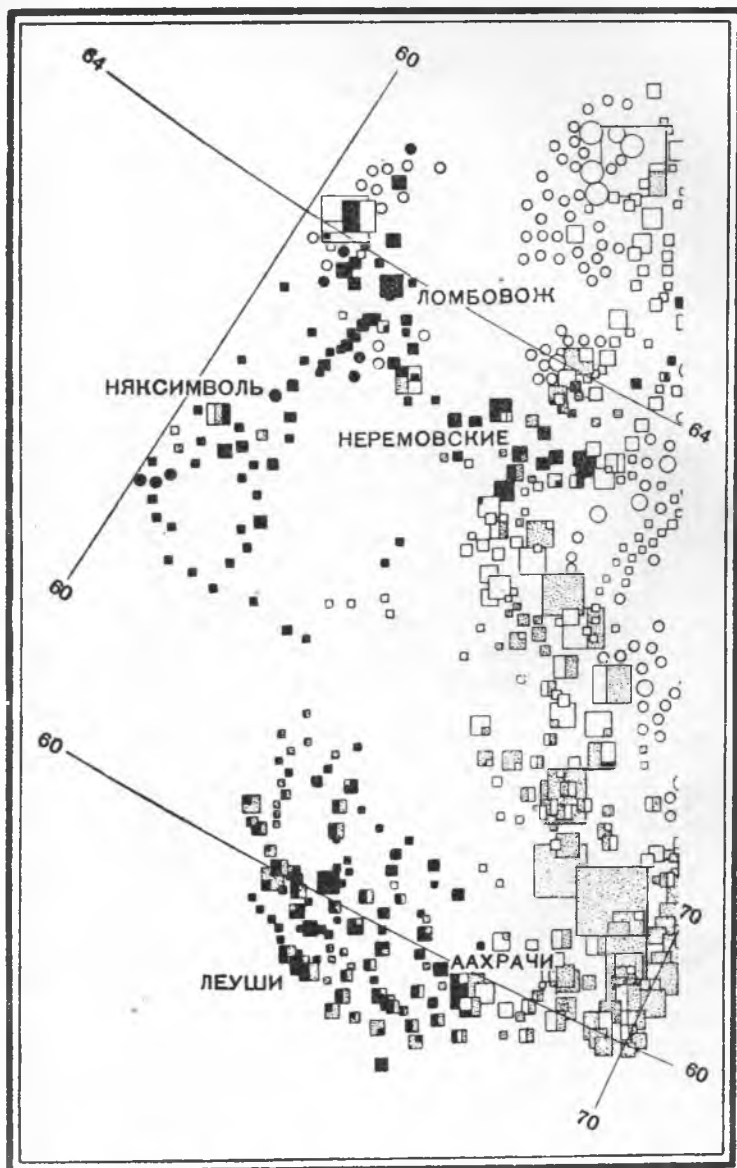

Рис. 4. Расселение народов манси, коми и ненцев на территории Северного Урала. Часть «Карты расселения народностей Крайнего Севера», составленной П. Е. Терлецким

выделен национальный состав населенных пунктов. В 1933 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК издал «Карту расселения народностей Крайнего Севера СССР», составленную П. Е. Терлецким. Это деталь-

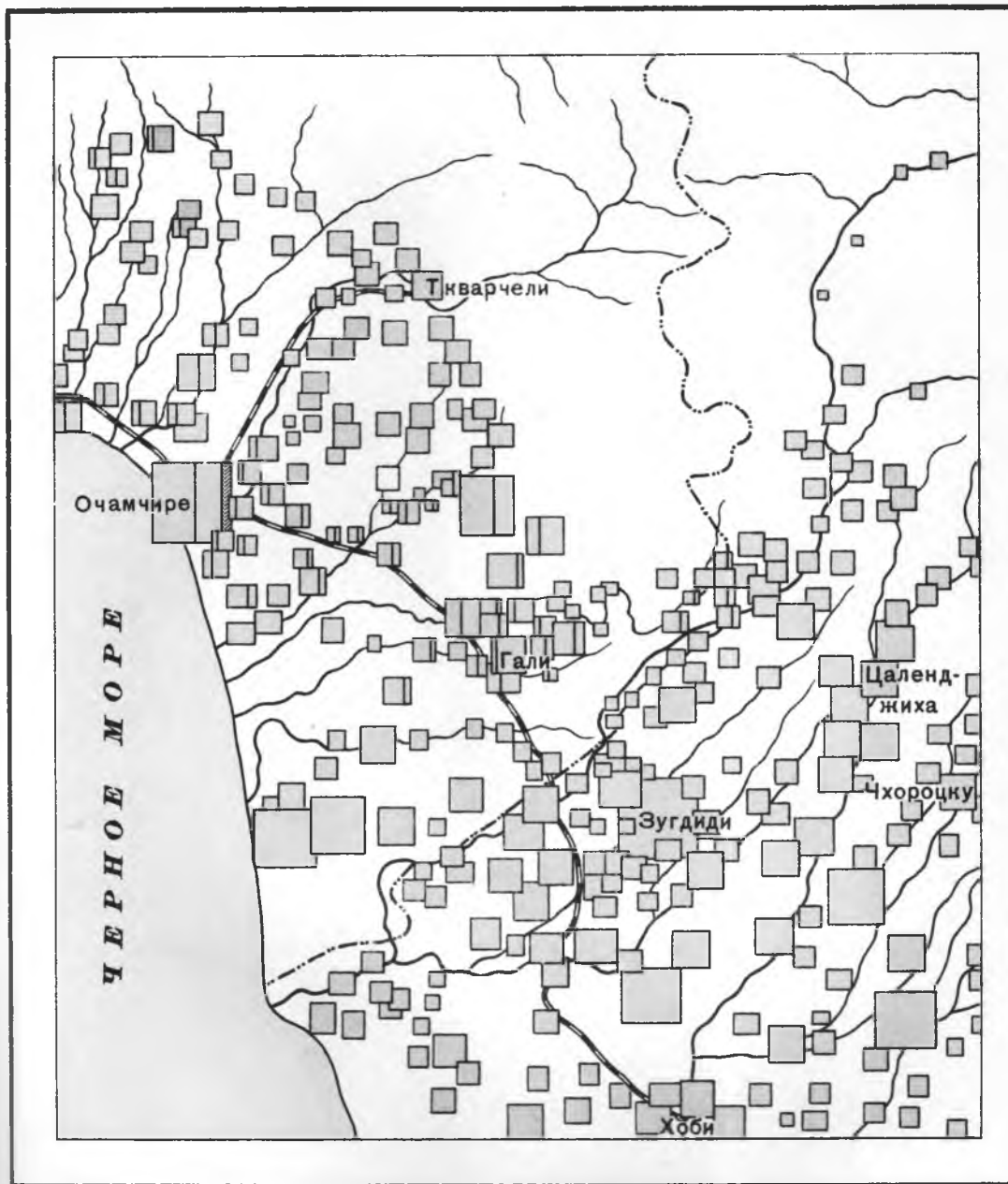

Рис. 5. Западная часть этнографической карты Грузинской ССР,

составленной Я. Р. Винниковым (по методу людности)

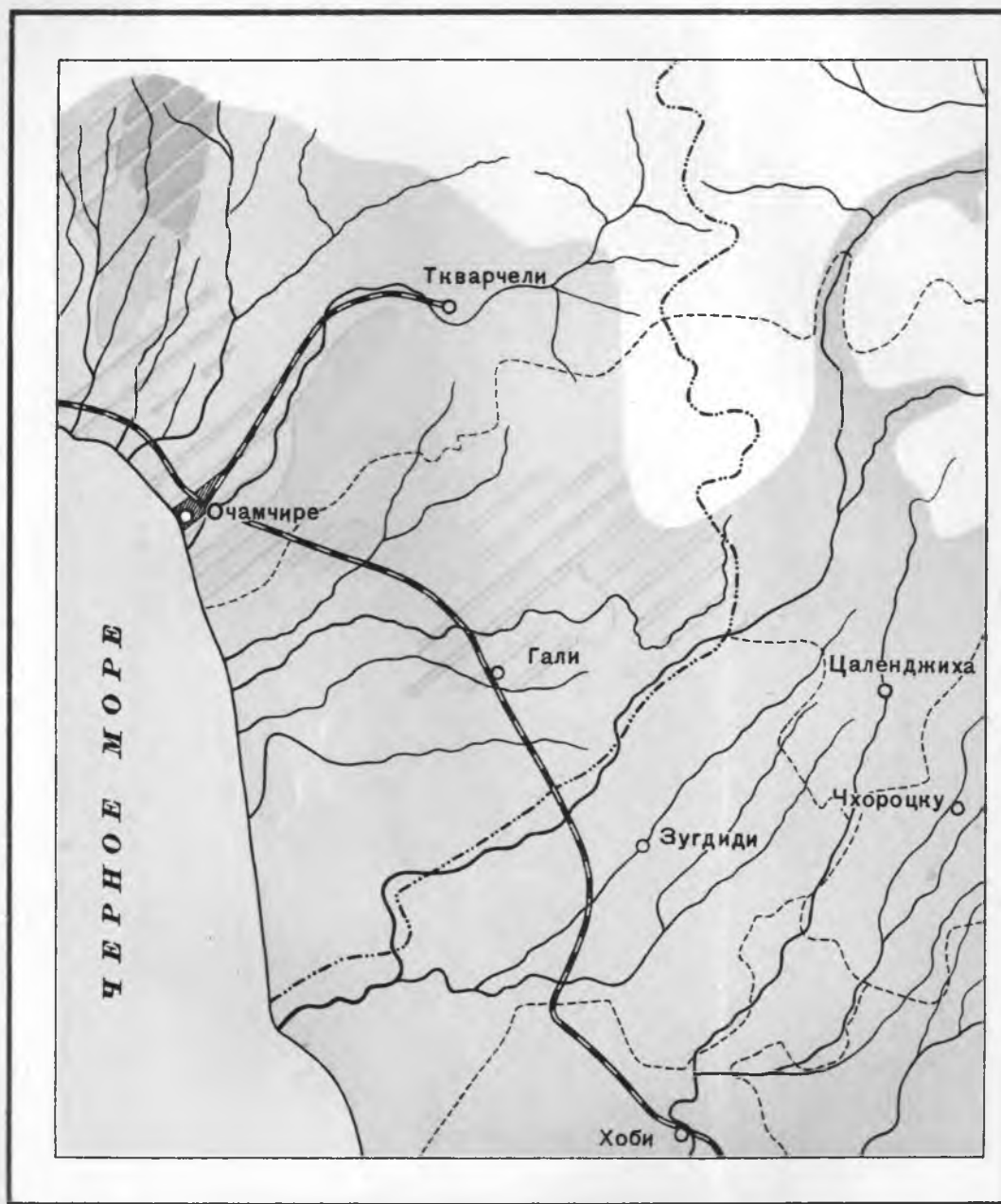

Рис. 6. Западная часть Этнографической карты Грузинской ССР,

составленной Я. Р. Винниковым (по методу этнических территорий).

нейшая карта, базирующаяся на статистическом материале похозяйственной переписи приполярного Севера в 1926/1927 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. За основу статистической разработки был взят мельчайший микрорайон — отдельный населенный пункт. Таких подробных карт, охватывающих громадный район северного Приполярья, до сих пор не существовало. Это был первый опыт составления этноэкономической карты не только Крайнего Севера, но и советской этноэкономической карты вообще¹¹.

Масштаб карты (1 : 5 000 000) строго согласован с ее нагрузкой: на карте нет пустых мест, но нет и перегрузки ее материалом. Читается она легко. Полиграфическое оформление просто и красочно.

Основная нагрузка карты состоит из двух показателей: обозначения народностей и показателей численности хозяйства. Населенные пункты, помещенные на карте, нанесены на карту разными значками, в зависимости от того, являются ли они местами постоянной или относительной оседлости: постоянные населенные пункты условно обозначены квадратами, места относительной наибольшей оседлости кочевого населения — кружками. Размеры квадратов и кружков зависят от количества составляющих их хозяйств, причем различаются следующие градации в обозначении населенных пунктов: от 1 до 5 хозяйств, от 6 до 10, от 11 до 20, от 21 до 50, от 51 до 100, от 101 до 200, от 201 до 400, от 401 до 1000 и свыше 1000 хозяйств. Градация, взятая в возрастающей прогрессии, составлена не случайно — она соответствует среднему числу хозяйств в поселениях равных типов, соответствующих уровню развития производительных сил и формам хозяйственной деятельности. Таким образом, составитель показывает на своей карте не просто расселение людей по территории Крайнего Севера, но и связанные с формой этого расселения типы экономики.

Легенда карты охватывает следующие нации и народности Крайнего Севера: лопари (саами), вогулы (маньсы), остяки (ханты), коми, ненцы, енисейские самоеды (маду), тавгийцы (нганасаны), остяко-самоеды (селькупы), эвенки, негидальцы, эвены, голды, самагиры (нанэй), ульчи, ороки (нанэй), удэ, орочи (нани), чукчи (луораветланы), коряки (нымыданы), камчадалы (ительмены), юкагиры (одулы), чуванцы (этели), эскимосы, алеуты, кеты, гиляки (нивхи), долганы (саха), якуты, русские, китайцы, корейцы, карелы, финны.

Эта карта географического размещения человеческого жилья — идеальный тип той карты, о которой мог только мечтать в свое время П. Шафарик. Карта П. Е. Терлецкого дает отчетливое представление не только об экономике населения, но и о его национальном составе, об удельном весе отдельных народностей, их численности и районах расселения.

Примененный П. Е. Терлецким метод называется обычно методом людности населенных пунктов; он употреблялся ранее в картах расселения и картах плотности, но советский ученый применил этот метод к этноэкономической карте. Это значительно расширило диапазон обычной этнографической карты, хотя и не заменило полностью карт прежних типов. Все-таки на карте Терлецкого размеры этнических территорий не показаны — о них можно только догадываться: незакрашенные территории могут быть понимаемы и как хозяйственно освоенные и как хозяйственно неосвоенные. Они могут быть и районами земледелия, и районами кочевий, и районами сезонных промыслов. На карте Терлецкого явственно читаются особенности типов расселения, связанные с типами хозяйства; видна абсолютная и относительная численность населения в каждом населенном пункте и его национальный состав. Нехватает в этой карте о б о б щ е н и й, которые дает в пределах опре-

¹¹ Оценку содержания карты см. у П. Померанцева «Карта расселения народностей Крайнего Севера» (Изв. Гос. геогр. об-ва, т. 65, 1935, вып. 2).

деленных районов и территорий обычная этнографическая карта; вследствие этого карта П. Е. Терлецкого не заменяет этнографической карты, выполненной по методу этнических территорий, а дополняет ее.

Условное обозначение населенных пунктов квадратиками и кружочками разной величины создает некоторые картографические трудности. Дело в том, что каждый квадратик или кружок ставится на месте населенного пункта, но интервалы между населенными пунктами могут быть (и бывают) гораздо меньше, чем величина квадратика. Вследствие этого большой квадратик покрывает собой не один, а несколько населенных пунктов. Составитель выходит из положения допущением второй условности: он помещает мелкий населенный пункт на географически правильной точке, но внутри квадрата, обозначающего большой населенный пункт. Если национальный состав большого населенного пункта смешанный и поэтому многокрасочный, различить в нем мелкий населенный пункт не так просто — получается настоящий ребус, решать который приходится тому, кто пользуется картой. Сложен также и прием наложения квадратиков друг на друга, тем более, что этот способ применяется в диаграммах и картограммах в ином значении — как показатель численности (удвоение, утроение и т. д. основного числа). Есть основание думать, однако, что указанные дефекты вызваны не самим методом, а лишь формой условных обозначений, и что при дальнейшем усовершенствовании карта станет значительно нагляднее.

По методу П. Е. Терлецкого выполнена Я. Р. Винниковым в 1948 г. рукописная карта расселения народов Грузинской ССР. Масштаб карты (1 : 500 000) достаточно велик, чтобы она была наглядной. Карта, базирующаяся на поселенных карточках всесоюзной переписи населения в 1926 г., прекрасно передает своеобразный характер расселения отдельных национальных групп в горной местности — по долинам и руслам рек, чего обычная этнографическая карта выявить не может.

Прилагаемая для сравнения карта этнических территорий Грузинской ССР (составленная также Я. Р. Винниковым на базе поселенных карточек всесоюзной переписи 1926 г.) показывает достоинства и недостатки обоих методов (см. рисунок). Метод людности правильнее передает картину географического размещения жилищ; метод этнических территорий ярче выделяет смешанные районы. Дополняя друг друга, они вместе дают исчерпывающую этногеографическую характеристику страны.

Советская этническая картография сумела выработать своеобразные методы, оправдавшие себя на практике; дальнейшее усовершенствование этих методов, поиски новых путей для лучшего картографирования национального состава населения должны продолжаться с неослабевающей силой. Для этого в СССР имеются неограниченные возможности.